

В.Н. Борков

доктор юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

Российская Федерация, 644092, Омск, пр. Комарова, д. 7

ORCID: 0000-0002-7583-5665. E-mail: borkovv@mail.ru

Жертва оперативной провокации или преступник?

Аннотация: В статье рассматривается актуальная, не урегулированная в уголовном законе проблема квалификации действий лица, совершившего преступление вследствие провокационных действий сотрудников правоохранительных органов. Обращается внимание на отсутствие в теории и судебной практике непротиворечивого научного и правового обоснования освобождения лиц, спровоцированных на преступление, от уголовной ответственности. «Посягательство», совершенное вследствие «полицейской провокации», рассматривается с учётом институтов соучастия, вовлечения и склонения к совершению преступления. Автор исследует уже высказанные специалистами предложения от закрепления провокации преступления в качестве одного из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность (глава 8 УК РФ), до включения её в арсенал оперативно-розыскных средств борьбы с преступностью. Согласно конституционно-правовому пониманию исследуемой проблемы, на оценку деяния спровоцированного влияет деятельность лиц, склонивших его к совершению преступления, существо нарушенных общественных отношений и характер наступивших физических, имущественных, организационных или иных последствий. Автор приходит к выводу, что реальный вред нормальному функционированию государства, в частности, при провокации получения или дачи взятки причинить сложно. Вопрос об уголовно-правовой оценке деяний спровоцированных лиц предлагается решать дифференцированно, с учётом реальности и меры причинённого ими вреда.

Ключевые слова: провокационные действия; инсценировка преступления; деяние спровоцированного лица; вовлечение в совершение преступления; соучастие в преступлении; ответственность спровоцированного лица; реальный вред.

Для цитирования: Борков В.Н. Жертва оперативной провокации или преступник? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2 (86). – С. 111–116. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-111-116.

Viktor N. Borkov

Dr. Sci (Jurid.), Docent

Omsk Academy of the MIA of Russia

7, Komarova av., Omsk, 644092, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7583-5665. E-mail: borkovv@mail.ru

Victim of operational provocation or criminal?

Annotation: The article discusses the urgent, not regulated by the criminal law, problem of qualifying the actions of the person who committed the crime as a result of the provocative actions of law enforcement officials. Attention is drawn to the absence in theory and judicial practice of a consistent scientific and legal justification for the release of persons provoked to a crime from criminal liability. An “encroachment” committed as a result of a “police provocation” is considered taking into account the institutions of complicity, involvement and inducement to commit a crime. The author examines the proposals already made by experts from fixing the provocation of a crime as one of the circumstances excluding criminal liability (Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation), to including its arsenal of operational-search means to combat crime. According to the constitutional legal understanding of the investigated

problem, the assessment of the act of the provoked is influenced by the activities of the persons who incited him to commit a crime, the essence of the disturbed social relations and the nature of the physical, property, organizational or other consequences that have occurred. The question of the criminal legal assessment of the acts of the provoked persons is proposed to be decided differentially, taking into account the reality and the measure of the harm caused by them.

Keywords: provocative actions; fake crime; act of a provoked person; involvement in the commission of a crime; complicity in a crime; responsibility of the provoked person; real harm.

For citation: Borkov V. N. Victim of operational provocation or criminal? // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 2 (86). – P. 111–116. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-111-116.

Траектории незаконного вовлечения граждан в сферу уголовной репрессии различны. Потерпевший от преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ «Провокация взятки...», – это лицо, которое «...заведомо для виновного не только не давало согласия, но и не совершало никаких действий, свидетельствующих о таком согласии, либо прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения ранее»¹. Заметим, что аналогичная статье 304 УК РФ норма – ст. 396 УК Республики Беларусь – так и называется: «Инсценировка получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа». Учитывая очевидное несовершенство объектом инсценировки преступления, Верховный Суд РФ разъясняет: «Поскольку такие действия совершаются без ведома либо заведомо вопреки желанию должностного лица... оно не подлежит уголовной ответственности за получение взятки... в связи с отсутствием события преступления (пункт 1 части 1 статьи 24 УПК РФ)».

Другое дело, когда должностное лицо, оказывается спровоцированным сотрудниками правоохранительных органов на принятие взятки и фактически соглашается на совершение коррупционного преступления или даже выступает в роли его инициатора. Подобное склонение чиновника к совершению посягательства может быть, как прямым, выражающимся в предложении взятки, так и косвенным, представляющим собой создание условий, при которых чиновник сам выступил с предложением о решении вопроса коррупционным путём. И в том, и в другом случае умысел на совершение провоцируемым конкретного посягательства формируют сотрудники правоохранительных органов. «Общественно опасной провокация

преступления является в силу того, что провокатор не только побуждает другое лицо к совершению преступления, но и желает привлечения его к уголовной ответственности за содеянное» [1, с. 30]. В исследуемом аспекте интересен новый пункт 36.3 Постановления № 24 (введен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 59), где обращается внимание на то, что «...суду независимо от признания подсудимым своей вины необходимо проверять законность и обоснованность проведения каждого такого оперативно-розыскного мероприятия». Действительно, часто лицо, обвиняемое во взяточничестве, не понимает, что стало объектом оперативной провокации, признает свою вину и раскаивается в содеянном. Вместе с тем высшая судебная инстанция разъясняет, что «принятие должностным лицом...» «при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (пункт 2 части 1 статьи 24 УПК РФ)»².

Утверждение, в соответствии с которым деяние спровоцированного сотрудниками правоохранительных органов лица не содержит всех необходимых признаков преступления или было совершено при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, требует комментария. Так, например, по мнению О. С. Капинус: «С точки зрения УК, равно как и с позиции теоретических уголовно-правовых представлений, общественно опасное деяние, совершенное под влиянием провокационных действий сотрудников правоохранительных органов, содержит все признаки состава преступления»³. Актуаль-

¹ Пункт 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2020).

² Пункт 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2020).

³ Там же.

ность обращения к проблеме уголовно-правовой оценки посягательства спровоцированного лица виднее, если на проблему посмотреть не только применительно ко взяточничеству или незаконному обороту наркотических средств, а с учётом возможной провокации убийства, террористического акта, посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля.

Оперативная провокация – это не единственный случай, когда умысел исполнителя преступления целенаправленно формируют другие лица. При вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления он не освобождается от уголовной ответственности, а должен отвечать за совершенное посягательство вместе с вовлечшим его лицом. «Действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по статье 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершении конкретного преступления»⁴. Верховный Суд РФ своими изменениями (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 59) из п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» исключил характеристику действий сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших лицо на совершение преступления, как «подстрекательских». Таким образом, ещё раз обращается внимание на то, что лицо признается спровоцированным на преступление не только тогда, когда его склонили путём уговора, подкупа, угрозы, но и в случае отсутствия прямого подстрекательства, когда лишь создается «благоприятная» обстановка для формирования умысла на совершение посягательства. Получается, что подстрекаемое лицо и несовершеннолетний, непосредственно вовлекаемые в совершение преступления, должны нести ответственность, а косвенно спровоцированное лицо – нет.

Отличие оперативной провокации от соучастия в совершении преступления состоит в том, что в первом случае к противоправным действиям склоняет государство в лице своих представителей [2, с. 220]. Именно данное обстоятельство, по мнению А. П. Дмитриенко,

исключает преступность действий спровоцированного [3, с. 57]. Вместе с тем, в отличие от соучастников, «правоохранители» борются с преступностью, они выявляют склонных к совершению преступлений граждан и устраняют исходящую от них опасность для общества. М. В. Бавсун критикует положение, когда мы остаемся заложниками схемы, в соответствии с которой есть только два элемента – преступление и наказание. «Мы по-прежнему боремся с последствиями совершаемых преступлений, продолжая игнорировать собственно лицо, которое допустило общественно опасное поведение» [4, с. 31]. Возможно, не стоит ждать, когда и в каком месте потенциальный преступник совершит свое посягательство, а нужно выявить лицо, от которого исходит криминальная угроза и вовремя нейтрализовать её. Следуя такой логике, деяние спровоцированного лица не является преступлением, а представляет собой необходимое условие предупреждения общественно опасных посягательств, совершение которых возможно в будущем. Подобный метод борьбы с преступностью противоречив, т.к. непризнание содеянного под воздействием провокации преступлением делает невозможным осуществление в отношении него специального предупреждения. Этическая непригодность описанного подхода обусловлена тем, что он базируется на идее допустимости государственной провокации. «На подозрение, шпионаж и провокацию, – писал И. А. Ильин, – правосознание граждан отвечает страхом и презрением; оно постепенно привыкает соединять с идеей государственной власти представление о злонамеренности и порочности; административные органы становятся живыми центрами народной ненависти; и распадение государства оказывается у порога» [5]. Между тем общий запрет сотрудникам правоохранительных органов на провоцирование преступлений не может однозначно и во всех случаях предрешать вопроса об исключении ответственности спровоцированного лица.

Н. М. Елисеева пишет о квазисоучастии применительно к склонению к самоубийству, когда потерпевший в результате оказываемого насильственного или служебного ограничения его волеизъявления либо иного противоправного воздействия на него совершает деяние, не обладающее признаком общественной опасности в уголовно-правовом его понимании, но объективно социально опасное, в частности, самоубийство [6, с. 22]. В случае оперативной провокации, напротив, потенциальная угроза исходит от спровоцированного исполнителя преступления, а проявляющаяся вовне реальная социальная опасность, как правило, блокирует-

⁴ Пункт 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2020).

ся сотрудниками правоохранительных органов, которые пресекают «посягательство», ими же и организованное. Сами по себе неспособность объекта провокации устоять перед «соблазном» совершения преступления и склонность к противоправному удовлетворению своих интересов не могут служить основанием уголовной ответственности.

Сомнительна и допустимость применения государственной репрессии к исполнителю посягательства, совершенного при квазисоучастии сотрудников органов, данное посягательство пресекающих. Содеянное спровоцированным инициировали сами сотрудники правоохранительных органов. Государство не может уклониться от ответственности за действия своих представителей. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, «...каждый пострадавший от незаконных действий органов государственной власти или их должностных лиц вправе требовать от государства справедливого возмещения вреда, причём оно несет обязанность возместить вред, связанный с осуществлением государственной деятельности в различных её сферах, независимо от возложения ответственности на конкретные органы государственной власти или должностных лиц»⁵. «При этом для реализации конституционно-правового принципа ответственности государства за результаты деятельности уполномоченных им органов и должностных лиц во всех сферах функционирования государственной власти не имеет значения, кем из участников уголовного судопроизводства со стороны государства допущены уголовное преследование и (или) осуждение невиновного, кто и в какой мере к этому причастен и имеется ли качественная преемственность между решениями, принимаемыми на разных этапах движения уголовного дела»⁶. Лицо, спровоцированное на совершение посягательства, сложно назвать невиновным в смысле отсутствия преступного умысла, но в основе обоснования его уголовного преследования лежит не просто беззаконие, а преступление власти.

По мнению В. С. Комиссарова и П. С. Яни, «...провокационно-подстрекательскую деятельность сотрудников правоохранительных органов следует рассматривать в качестве нового, пока не отраженного в гл. 8 УК РФ обсто-

яательства, исключаяющего преступность деяния, совершённого лицом, в отношении которого эта деятельность осуществлялась» [7, с. 8]. Возможное дополнение УК РФ такой нормой Д. В. Смирнов считает «большим шагом вперёд в развитии российского права» [8, с. 362]. Но нормы указанной главы исключают преступность действий лиц, которые защищают себя и других от преступлений, задерживают преступников, предотвращают различного рода угрозы, а также стремятся к достижению полезного для общества результата. Например, «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями...», а также если вред от совершенного посягательства был менее значительным, чем тот, которым угрожали указанному выше лицу (ст. 40 УК РФ). В отличие от лица, причиняющего вред под воздействием физического или психического принуждения, провоцируемому никто не угрожает, его воля свободна. Следует обратить внимание и на то, что в нормах главы 8 УК РФ вопрос об обстоятельствах, исключаящих преступность деяний, встает только в случаях причинения вреда «посягающему лицу», «лицу, совершившему преступление», «охраняемым уголовным законом интересам». Ключевая категория здесь – «причиняемый вред». Как было показано выше, спровоцированное оперативными сотрудниками квазипреступление, не причинившее реального вреда, как правило, не опасно для общества, что, заметим, не распространяется на саму провокацию.

В исследуемом аспекте обратим внимание на предложение Г.С. Шкабина «...признать соответствующим законным требованиям склонение лиц, подготавливающих или совершающих преступление, к действиям, причиняющим меньший по объёму или характеру вред», и считать такое «склонение» совершённым в обстановке крайней необходимости [9, с. 98]. Г. С. Шкабин не даёт уголовно-правовой оценки деянию спровоцированного лица. Но если сотрудники правоохранительных органов вовремя не «пресекали» спровоцированное и контролируемое посягательство, а также не приняли мер к минимизации его последствий, то они должны нести ответственность не только за провокацию преступления, но и за участие в его совершении. «В Особенной части УК РСФСР 1960 года, – пишут А. П. Дмитриенко и Н. Г. Кадников, – отсутствовали нормы, устанавливающие ответственность за специальные виды провокации, однако правоприменительная практика шла по пути признания провокаторов преступления подстрекателя-

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2019 г. № 38-П [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2020).

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2020).

ми или организаторами» [10, с. 145]. Причинение в результате такого посягательства смерти, вреда здоровью или реального имущественного ущерба делает невозможным освобождение от уголовной ответственности и спровоцированного лица. Вместе с тем совершение преступления под воздействием провокации может быть признано законодателем в качестве обстоятельства, смягчающего наказание [11, с. 37].

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, «...выявление формальных признаков состава преступления в совершённом деянии не всегда предопределяет признание его преступным, поскольку содеянное в силу поведения самого виновного может и не достигать того уровня опасности, который легитимирует уголовное преследование»⁷. Обращение к проблеме оперативной провокации преступления показывает, что на уровень опасности деяния может влиять не только поведение самого виновного, но и деятельность других лиц, например, спровоцировавших его на совершение преступления, причём деятельность сотрудников правоохранительных органов значима как исходя из этапа развития преступного умысла спровоцированного лица, на котором было пресечено посягательство, так и с точки зрения особенностей проявления общественной опасности преступления, к которому осуществлялось прямое или косвенное склонение. «Устанавливая преступность и наказуемость тех или иных общественно опасных деяний, федеральный законодатель может по-разному, в зависимости от существа охраняемых общественных отношений, конструировать составы преступлений, учитывая степень их распространенности, значимость тех ценностей, на которые они посягают, и характер причиняемого ими вреда – имущественного, организационного или иного – охраняемому объекту»⁸.

Решение вопроса об ответственности лица, спровоцированного на совершение преступления, не должно зависеть только от того, каким составом – формальным или материальным – предусмотрено данное посягательство. В ряде случаев законодатель, учитывая повышенную опасность преступления, переносит момент его окончания на более ранние этапы, предшествующие реальному наступлению последствий. С другой стороны, в некоторых посягательствах, составы которых являются формальными

ми, сами действия виновного характеризуются тяжёлым и необратимым вредом. Например, лицо, которое было спровоцировано на изнасилование и совершило данное посягательство, безусловно, должно быть привлечено к ответственности. Полагаем, что спровоцированный может быть освобождён от ответственности только за совершение деяний, которые содержат признаки так называемых составов опасности. Это преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, наркотических средств, участие в террористическом сообществе, участие в экстремистских сообществе или организации и многие другие, которые, представляя собой посягательства на безопасность общества и государства, только угрожают причинением существенного вреда правоохраняемым интересам. Данные посягательства не предполагают причинения смерти или вреда здоровью человека, имущественного ущерба, дезорганизации функционирования государства, но они создают реальные предпосылки для соответствующих посягательств.

В качестве состава опасности выступает и взяточничество. Опасность данного преступления заключается не в незаконном обогащении должностного лица, а в коррупционном сговоре о торговле интересами личности и общества в публичной сфере, в готовности взяточполучателя нарушить нормальное функционирование государства, злоупотребить своими полномочиями или положением за взятку. Взяточничество окончено с момента получения виновным хотя бы части передаваемых материальных ценностей, а совершаемые за взятку преступления находятся за рамками составов, предусмотренных ст. 290 и 291² УК РФ, поэтому требуют дополнительной квалификации. Спровоцированное взяточничество «пресекается», как правило, непосредственно после передачи «взятки», когда должностное лицо ещё не нанесло реального ущерба нормальному функционированию государства. Кроме того, оперативная провокация и не предполагает реального использования избличаемым взяточполучателем служебных полномочий. Если провокация адресована к должностному лицу, то «взятодатель» только имитирует заинтересованность в служебном поведении чиновника, задача состоит в склонении его к совершению преступления в целях последующего избличения. Тем более не собирается действовать в интересах лица, провоцируемого на дачу взятки, участвующее в провокации должностное лицо. Таким образом, реальный вред нормальному функционированию государства при провокации получения или дачи взятки причинить сложно.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 10-П [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2020).

⁸ Там же.

Список литературы

1. Иванов В. Д., Черепяхин В. А. Провокация преступления // Российский следователь. – 2013. – № 14. – С. 29–32.
2. Дизер О. А. Уголовно-правовое исследование провокации преступления // Юрист-Правовед. – 2019. – № 4. – С. 219–224.
3. Дмитриенко А. П. Соотношение провокации преступления и подстрекательства к преступлению // Общество и право. – 2018. – № 4. – С. 56–61.
4. Бавсун М. В. Предмет и метод уголовного права в условиях трансформации общественных отношений / Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов VII Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 1–2 ноября 2019 г.). – Санкт-Петербург: Астерион, 2019. – С. 29–35.
5. Ильин И. А. Теория права и государства. [Электронный ресурс] // Сайт «Юридический виртуальный колумб “Ex Jure”». – URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=392>. (дата обращения: 20.02.2020)
6. Елисеева Н. М. Понятие «квасисоучастие» в контексте противодействия доведению до самоубийства // Российский следователь. – 2019. – № 10. – С. 20–23.
7. Комиссаров В. С., Яни П. С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. – 2010. – № 9. – С. 3–8.
8. Смирнов Д. В. Уголовная ответственность за совершение преступления в условиях его провокации сотрудниками правоохранительных органов // Военное право. – 2017. – № 1. – С. 350–363.
9. Шкабин Г. С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения. – Москва: Юриспруденция, 2018. – 272 с.
10. Дмитриенко А. П., Кадников Н. Г. Правовая позиция Европейского суда по правам человека о провокации преступления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 144–148.
11. Дизер О. А. Освобождение от ответственности в случае провокации преступления / Премственность и новации в юридической науке : материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей / отв. за вып. И. В. Сидорова. – Омск: Омская акад. МВД России, 2019. – С. 36–38.

References

1. Ivanov V. D., Cherepakhin V. A. Provokatsiya prestupleniya // Rossiyskiy sledovatel'. – 2013. – № 14. – S. 29–32.
2. Dizer O. A. Uголовно-правовое issledovaniye provokatsii prestuple-niya // Yurist-Pravoved. – 2019. – № 4. – S. 219–224.
3. Dmitriyenko A. P. Sootnosheniye provokatsii prestupleniya i podstreka-tel'stva k prestupleniyu // Obshchestvo i pravo. – 2018. – № 4. – S. 56–61.
4. Bavsun M. V. Predmet i metod uголовного prava v usloviyakh transfor-matsii obshchestvennykh otnosheniy / Uголовnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika: sb. mat-lov VII-oy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (SPb., 1–2 noyabrya 2019 g.). – Sankt- Peterburg: Asterion, 2019. – S. 29–35.
5. Il'in I. A. Teoriya prava i gosudarstva. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=392>. (data obrashcheniya: ????)
6. Yeliseyeva N. M. Ponyatiye «kvazisouchastiye» v kontekste protivodeystvi-ya dovedeniyu do samoubiystva // Rossiyskiy sledovatel'. – 2019. – № 10. – S. 20–23.
7. Komissarov V. S., Yani P. S. Provokatsionno-podstrekatel'skaya deya-tel'nost' v otnoshenii dolzhnostnogo litsa kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushcheye ot-vetstvennost' za polucheniye vzyatki // Zakonnost'. – 2010. – № 9. – S. 3–8.
8. Smirnov D. V. Uголовnaya otvetstvennost' za soversheniye prestupleniya v usloviyakh yego provokatsii sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov // Voy-ennoye pravo. – 2017. – № 1. – S. 350–363.
9. Shkabin G. S. Uголовно-правовое obespecheniye operativnogo vnedre-niya. – Moskva: Yurisprudentsiya, 2018. – 272 s.
10. Dmitriyenko A. P., Kadnikov N. G. Pravovaya pozitsiya Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka o provokatsii prestupleniya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2018. – № 4. – S. 144–148.
11. Dizer O. A. Osvobozhdeniye ot otvetstvennosti v sluchaye provokatsii prestupleniya / Preyemstvennost' i novatsii v yuridicheskoy nauke: materialy vse-rossiyskoy nauchnoy konferentsii ad'yunktov, aspirantov i soiskateley / отв. за вып. I. V. Sidorova. – Омск: Омская акад. MVD Rossii, 2019. – S. 36–38.

© Борков В.Н., 2020

Статья поступила в редакцию 30.03.2020 г.